

В.В. Бобров^{1, 2} Н.Н. Моор^{1, 3}✉

¹Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

²Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
Кемерово, Россия

³Музей-заповедник «Томская Писаница»
Кемерово, Россия

E-mail: natalyamoor.20@gmail.com

Красноярская лесостепь в аспекте культурно-исторических процессов Сибири в эпоху голоцена

В статье поставлена проблема Красноярской лесостепи как культурно-исторического пространства и ее места в культурогенезе эпохи голоцена на территории Сибири. Современное состояние археологического изучения этого района Среднего Енисея позволяет заключить, что в мезолите тенденция развития здесь была идентична культурно-историческим процессам, проходившим на территории всей Сибири. Можно проследить определенную склонность к восточносибирским особенностям. Это объясняется как географической близостью рассматриваемых территорий к Восточной Сибири, так и наличием сырьевых ресурсов высококачественных пород камня, чем крайне бедна Западная Сибирь. В эпоху неолита лесостепь была центром формирования археологических культур при активном влиянии культур Прибайкалья. Взаимосвязь с культурно-историческими процессами Восточной Сибири, а если точнее Прибайкалья и Приангарья, приобретает уже более выраженный характер. Об этом свидетельствуют в первую очередь материалы стратифицированных археологических памятников Красноярской и Канской лесостепи. Начиная с развитого неолита, наметилась связь обитателей Красноярско-Канской лесостепи с неолитическим населением Западной Сибири. В эпоху палеометалла изменился характер культурно-исторического пространства Красноярской лесостепи. Последующий за неолитом историко-хронологический период представляет собой незаполненные страницы древней истории вплоть до появления на этой территории населения тагарской культуры. Можно полагать, что малочисленность и разнотипность археологических источников этого времени вовсе не случайность. Сложность хронологической дифференциации материалов, разнонаправленность инокультурных компонентов вплоть до эпохи поздней бронзы позволяют высказать гипотезу о маргинальном характере культурно-исторического пространства Красноярской лесостепи в эпоху бронзы.

Ключевые слова: голоцен, неолит, ранний бронзовый век, поздний бронзовый век, культурно-историческое пространство, Сибирь, Красноярская лесостепь.

V.V. Bobrov^{1, 2}, N.N. Moor^{1, 3}✉

¹Kemerovo State University
Kemerovo, Russia

²Institute of Human Ecology of the Federal Research Center
of the Institute of Coal and Coal Chemistry of the SB RAS
Kemerovo, Russia

³Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve
Kemerovo, Russia

E-mail: natalyamoor.20@gmail.com

Krasnoyarsk Forest-Steppe in the Context of Cultural and Historical Processes in Siberia in the Holocene

This article discusses the Krasnoyarsk forest-steppe as a cultural and historical space, and analyzes its place in the cultural genesis of the Holocene in Siberia. Modern archaeological data from the Middle Yenisei region makes it possible to formulate the conclusion that specific development of the region in the Mesolithic was similar to cultural and historical processes in the entire Siberia with certain affinity to Eastern Siberia. This can be explained by geographical proximity between the region under study and Eastern Siberia, as well as availability of high quality stone raw materials which were very scarce in Western Siberia. In the Neolithic, forest-steppe was the center where archaeological cultures emerged under marked influence of cultures from the Baikal region. This process was associated with cultural and historical developments in Eastern Siberia and more precisely in the Cis-Baikal region and Angara region, which is confirmed by the evidence from stratified archaeological sites of the Krasnoyarsk and Kansk forest-steppe. In the Advanced Neolithic, there was a connection between the inhabitants of the Krasnoyarsk and Kansk forest-steppe and Neolithic population of Western Siberia. Cultural and historical space of the Krasnoyarsk forest-steppe changed in the Paleometal Age. We do not know much about the subsequent historical and chronological period before the appearance of the Tagar population in the region. Small number and diversity of archaeological sources of this period were not accidental. Chronological differentiation of evidence is problematic; foreign cultural influences before the Late Bronze Age were multidirectional, which suggests the marginal nature of cultural and historical space of the Krasnoyarsk forest-steppe in the Bronze Age.

Keywords: Holocene, Neolithic, Early Bronze Age, Late Bronze Age, cultural and historical space, Siberia, Krasnoyarsk forest-steppe.

В истории археологической науки достаточно хорошо представлена взаимосвязь культурно-исторического и географического пространства. Возможно, некоторые специалисты сочтут некорректным или даже ошибочным предположение, но, на наш взгляд, не случайно древнейшие памятники Сибири открыты на территории Горного Алтая, который находится вблизи маршрутов освоения Азиатского континента формирующимся человеком в восточном направлении. В археологии также представлены многочисленные географические регионы, которые явились центрами формирования и развития древних этнокультурных образований: например, бассейн Среднего и Нижнего Амура, Прибайкалье или, как сейчас принято называть, Байкальская Сибирь, Минусинские котловины, Барабинская лесостепь и др. Это отражение если не идеальной, то тесной связи культурно-исторического и географического пространства. Но немало примеров, когда происходил «сбой» в этой связи и только со стороны культурно-исторического пространства как явления социально обусловленного.

Пример такого «сбоя» на азиатской части России демонстрируют древности Саяно-Алтайского нагорья. Несмотря на длительный период полевых исследований и их масштабность, знания об эпохе бронзы Западных Саян (от единичных памятников энеолитической афанасьевской культуры до финальной бронзы – монгун-тайгинской культуры) практически отсутствуют. Что собой представляло культурно-историческое пространство в данный период, остается неясным. Возможно, что какие-то события произошли в сейминско-турбинский пе-

риод, о чем свидетельствуют погребения чаахольской культуры (окуневской – по В.А. Семенову). Но ее единичные памятники не дают даже приблизительной картины уровня содержания культурно-исторического пространства в пределах высокогорных долин Западных Саян. Отметим также то, что между сейминским периодом и финальной бронзой существует значительный хронологический промежуток, археологически пока незаполненный. На этом фоне разительно отличаются эпохи ранних кочевников и раннего Средневековья, в которых было сформировано плотное и содержательное культурно-историческое пространство. Практически идентичная ситуация сложилась на территории Горного Алтая. Исключение составляет период существования афанасьевской культуры, представленной в его районах двумя этапами развития вплоть до возникновения каракольской культуры, которая, на наш взгляд, относится к сейминско-турбинской эпохе. Что же касается последующего историко-хронологического периода, то до настоящего времени затруднительно дать оценку культурно-историческим явлениям в пределах горно-алтайского географического пространства со своеобразной системой многочисленных речных долин. Только, как и в Западных Саянах, культурно-историческое пространство Горного Алтая начиная с I тыс. до н.э. формируют ранние кочевники скифского времени, затем хунно-сяньбийского периода и, наконец, объединения тюркоязычных народов [Тишкин, 2007, с. 79–235].

Если пример из археологии горных систем будет признан некорректным, то можно обратиться к Ачинско-Марининской лесостепи (она территори-

ально ближе к Красноярской лесостепи). Несмотря на то, что здесь выявлены памятники практически всех основных культур верхнеобского и среднеенисейского регионов, в историческом аспекте эта территория являлась транзитной [Бобров, 1992а; 1992б] до заполнения ее тагарским населением преимущественно в середине I тыс. до н.э. В данном случае культурно-историческое содержание этого географического пространства отличалось от других регионов, представлявших собой центры формирования и развития археологических культур. Примером может являться бассейн Верхней Оби.

В аспекте исторического и социокультурного пространства целесообразно также рассмотреть Красноярскую лесостепь, включающую территорию левобережной части р. Енисея в окрестностях г. Красноярска, и Канско-Рыбинскую котловину (Канская лесостепь). Археологически процессы развития в обоих районах были практически идентичные, что позволило специалистам объединять их термином Красноярско-Канская лесостепь). Отметим, что частичное разделение районов с исторической точки зрения носит очень условный характер, так как склоны Енисейского кряжа не являлись препятствием для древних популяций людей. За выделением двух районов в археологической литературе кроются недостаточная степень изученности конкретного историко-хронологического периода и в некотором роде корпоративность интересов научных центров.

Но вернемся к вопросу о том, какое место занимали Красноярская и Канская лесостепи в культурно-исторических процессах Сибири в древности. За 140 лет археологических исследований в этом крае однозначный ответ на этот вопрос получен для эпохи плейстоцена. Начало познания древностей здесь было заложено открытием и исследованием стоянок эпохи палеолита в черте г. Красноярска. В настоящее время эти знания пополняют материалы комплексов из раскопок Афонтовой Горы. Современные исследования палеолита Енисея – достойное продолжение археологической традиции, заложенной в конце XIX – начале XX в. специалистами Красноярского краевого краеведческого музея. В настоящее время нет сомнения в том, что в позднем плейстоцене бассейн Среднего Енисея являл собой регион объединения древних людей с самобытной традицией в области развития материальной культуры. С другой стороны, эпоха голоцена, а точнее историко-хронологический период от энеолита до поздней бронзы, Красноярской и Канской лесостепи остается малоизученным. Немногим лучше ситуация обстоит с комплексами эпохи поздней бронзы данного региона (см., напр.:

[Мандрыка, 2021]). Это актуализирует проблему места Красноярской лесостепи в аспекте культурно-исторических процессов Сибири в период энеолита – поздней бронзы.

Изучение периода раннего голоцена в Красноярской лесостепи и Канско-Рыбинской котловине позволяет сформировать общее представление о культурно-исторических процессах в этом географическом пространстве. Если исследованиями в 1970-х гг. экспедиции Иркутского государственного университета было сформировано представление о мезолите Канской лесостепи [Генералов, 2000, 2001], то мезолитические комплексы Красноярска в стратифицированных условиях исследованы сравнительно недавно, благодаря деятельности Н.П. Макарова. Опубликованные аналитические работы позволяют сделать вывод о том, что в переходный историко-хронологический период от палеолита к неолиту процессы в обозначенных районах были идентичными культурно-историческим процессам, происходившим на территории Сибири. Можно проследить некоторую склонность к его восточносибирским особенностям. Это объясняется как географической близостью рассматриваемых территорий к Восточной Сибири, так и сырьевыми ресурсами высококачественных пород камня, чем крайне бедна Западная Сибирь.

В эпоху неолита взаимосвязь с культурно-историческими процессами Восточной Сибири, а точнее Прибайкалья и Приангарья, приобретает более выраженный характер. Об этом свидетельствуют материалы стратифицированных памятников Красноярской и Канской лесостепи, анализ которых дан в опубликованных работах Н.П. Макарова [2005], В.В. Боброва, Н.А. Савельева, А.А. Тимошенко [2016], А.Г. Генералова [1979] и др. Во-первых, к настоящему времени в них сформированы практически одинаковые по количеству и качеству фонды археологических источников, в том числе основанные на исследовании стратифицированных памятников. Отметим только более значительный состав таких памятников на территории Канско-Рыбинской котловины. Во-вторых, практически одновременно завершено обобщенное исследование неолита и бронзы на уровне археологической интерпретации. В частности, дана периодизация развития новокаменного века и характеристика материальных комплексов его этапов. В-третьих, исследования неолитических комплексов двух рассматриваемых районов проведены на общем теоретическом, методическом и методологическом уровне с использованием естественнонаучного междисциплинарного подхода. Это одно из непреложных условий сравнения результатов ис-

следования. Изложенные выводы в теоретическом аспекте составляют платформу для объективного сравнения археологических комплексов, в данном случае двух сопредельных районов, относящихся к одной ландшафтной зоне. Особенно эта взаимосвязь выражена в керамических комплексах всех трех этапов развития неолита, в частности, сетчатом и посольском типе керамики. Казачинский тип с его элементами орнаментации западносибирской неолитической традиции не вписывается в предложенную тенденцию.

Приведенные историко-хронологические периоды демонстрируют то, что Красноярская лесостепь была не только освоена, но и входила в ареал культур в качестве одного из районов, составлявших центр их формирования. Созданный к современному столетию качественный фонд источников эпохи неолита позволил обосновать существование в данном регионе трех археологических культур [Бобров, Савельев, Тимошенко, 2016]. Неолит этих районов представляет также значительный интерес в связи с тем, что через эту территорию, на наш взгляд, шло проникновение, вероятно, небольших групп неолитических охотников вверх по течению Енисея к предгорьям, окружающим Минусинские котловины.

Небезынтересно то, что начиная с развитого неолита наметилась связь обитателей Красноярско-Канской лесостепи с неолитическим населением Западной Сибири. А ближайшими к ней являлись территории Кузнецко-Салаирской горной области, лесостепного и отчасти таежного Приобья. На эту связь неоднократно обращали внимание представители иркутской школы археологии, исследуя памятники и материалы Канско-Рыбинской котловины [Генералов, 1979; Савельев, Генералов, Абдулов, 1984; Тимошенко, 2013].

Последующий за неолитом историко-хронологический период представляет собой незаполненные страницы в древней истории Красноярской лесостепи вплоть до появления здесь тагарского населения, причем не на раннем этапе его существования. Соответственно возникает вопрос – что собой представляло культурно-историческое пространство данной территории в течение нескольких тысячелетий? Знания об эпохе бронзы Красноярской лесостепи незначительно изменились со времен первых исследователей древностей этого района – Г. Мерхарта, И.П. Сосновского, В.Г. Кравцова в начале XX в. В этот период Г. Мерхарт предложил объединить бронзы, преимущественно из случайных сборов, в «красноярскую культуру металла» [Merhart, 1926]. В последнее десятилетие некоторые специалисты возродили это понятие, но применительно к периоду поздней бронзы [Мандры-

ка, 2021]. Из публикации тезисов П.В. Мандрыки невозможно проследить трансформацию культурного комплекса как местного, так и инородного в результате синкретизма традиций. И есть ли этот синкретизм? Понятно, что предлагаемая культура имеет карасукский облик [Там же, с. 86]. Но этот «инородный комплекс» соответствует заключительному этапу карасукской культуры – по М.П. Грязнову или лугавской культуры – по Н.Л. Членовой. Не касаясь анализа аргументации и логики сторонников красноярской культуры, а также теоретических вопросов, выскажем сомнение относительно ее обоснования. Тем более, что в качестве местного компонента предлагается традиция предшествующего времени. А то, что «предшествует», имеет очень аморфное и противоречивое содержание до современного этапа изучения Красноярской лесостепи.

Заметный вклад в решение этой проблемы внес Н.П. Макаров, который, несмотря на малочисленность и разнотипность источников, выделил и наполнил содержанием хронологический период ранней бронзы, существовавший до позднебронзового века [2005, с. 159–168]. Пожалуй, после публикации статьи Г.А. Максименкова [1961] это первая обобщающая работа древностей Красноярской лесостепи, но посвященная более раннему хронологическому периоду. Н.П. Макаров также выражает надежду на создание более реальной, а не условной, периодизации эпохи бронзы в будущем с выделением энеолита и периода развитой бронзы. Не лишен оснований его вывод о местной традиционной линии развития от неолита до поздней бронзы и линии, связанной с культурами Западной и Восточной Сибири, в результате миграций и взаимовлияния [Там же].

Избегая критики некоторых доказательств этой хорошей и очень актуальной работы, отметим следующее. Во-первых, эпоха неолита в Красноярской лесостепи, по мнению многих специалистов, завершается к середине III тыс. до н.э., а ранняя бронза относится ко второй половине III – концу II тыс. до н.э. Приблизительно в это же время в Западной Сибири, в частности в бассейне лесостепного Приобья, формируются культуры сейминско-турбинской эпохи. Энеолит был пройден [Косарев, 1987]. С теоретической и практической точки зрения можно допустить, что в Красноярской лесостепи не было этой археологической стадии и переход к новой эпохе произошел на уровне ранней бронзы. Во-вторых, существующий в настоящее время арсенал источников не позволяет выяснить степень внедрения инокультурного компонента и его воздействия на местную среду. Не менее интересна проблема, связанная с окунев-

ским воздействием на культурогенез рассматриваемой территории. В частности, на каком этапе ее развития происходил контакт с северными соседями. Достоверно известно, что памятники раннего этапа окуневской культуры приурочены к южным районам Минусинских котловин [Поляков, 2022, с. 95–99]. На черновском этапе развития население этой культуры осваивает территории, лежащие в северных пределах Хакасско-Минусинской впадины. В связи с окуневской проблематикой, в частности появлением плоскодонной керамики с орнаментом на дне, нельзя не обратить внимания на культуры Приобья. Например, материалы Томского могильника на малом мысу (новокусовский этап – по М.Ф. Косареву) или игрековской культуры. Что же касается орнаментации плоского дна, то это традиция широко распространена в культурах развитой бронзы Западной Сибири. В связи с обозначенными двумя археологическими сюжетами целесообразно обратиться к хронологии погребений у дач Горно, Переселенческого пункта, ул. Узенькой, Пещерного лога и др. Соотношение их с глазковской традицией пока выглядит недостаточно убедительным. К тому же в глазковском культурогенезе специалисты выделяют два этапа. В-третьих, требуется выяснить, насколько долго сохранялась неолитическая культурная среда в Красноярской лесостепи.

Исследованные красноярскими специалистами керамические комплексы поселений Дрокино, Ладейки, Борово-2, Усть-Минжуль, Монастырское и др. содержат разнотипные материалы, что достаточно точно обозначено в многочисленных публикациях. Но чаще всего эта разнотипность содержит инокультурные компоненты из сопредельных территорий. Красноярская лесостепь расположена на стыке Западной и Восточной Сибири, а ее северо-западная граница связана с таежной изменчивостью (Обь-Енисейское междуречье). Такая далеко неполная археологическая характеристика содержания эпохи бронзы Красноярской лесостепи правомерно выдвигает вопрос о стабильности и монолитности традиций ее обитателей, если они перманентно находились под влиянием (возможно, с присутствием) населения сопредельных территорий.

Можно полагать, что малочисленность и разнотипность источников этого времени не случайность. Это обстоятельство, а также сложность хронологической дифференциации материалов, разнонаправленность инокультурных компонентов вплоть до поздней бронзы позволяют высказать гипотезу о маргинальном характере культурно-исторического пространства Красноярской лесостепи в эпоху бронзы.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках работ по Государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ № 0286-2021-0011 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Список литературы

Бобров В.В. Ачинско-Мариинская лесостепь как своеобразный историко-культурный район // Научная конференция памяти Николая Михайловича Ядринцева (29–30 окт. 1992 г.), г. Омск: тезисы докладов. – Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ин-та, 1992а. – С. 62–65.

Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1992б. – 45 с.

Бобров В.В., Савельев Н.А., Тимошенко А.А. О культурной принадлежности неолитических комплексов Канско-Рыбинской котловины и Красноярской лесостепи // *Esse quam videri*: к 80-летию со дня рождения Германа Ивановича Медведева. – Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 2016. – С. 328–338.

Генералов А.Г. Неолитическая керамика многослойного поселения Казачка // КСИА. – 1979. – Вып. 157. – С. 43–47.

Генералов А.Г. Геоархеологический объект Стрижовая гора (стратиграфия, хронология, типология, технология). – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2000. – 153 с.

Генералов А.Г. Поздний палеолит – ранний мезолит Канско-Енисейского района: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Иркутск, 2001. – 42 с.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Бронзовый век лесной полосы СССР. Археология СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 252–267.

Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Изв. лаборатории археологических технологий. – 2005. – Вып. 3. – С. 149–171.

Максименков Г.А. Новые данные по археологии района Красноярск // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961. – С. 305–315.

Мандрыка П.В. Красноярская археологическая культура // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2021. – С. 85–87.

Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. – СПб.: ИИМК РАН, 2022. – 364 с.

Савельев Н.А., Генералов А.Г., Абдулов Т.А. Многослойное археологическое местонахождение Казачка как основа для периодизации голоценовых культур Канско-Рыбинской котловины // Проблемы исследования каменного века Евразии. – Красноярск, 1984. – С. 136–142.

Тимошенко А.А. Неолит и бронзовый век Канско-Рыбинской котловины: автореф. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2013. – 22 с.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-исторических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – 356 с.

Merhart G. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. – Wien: A.Schroll & Company, 1926. – 189 s.

References

Bobrov V.V. Achinsko-Mariinskaya lesostep' kak svoeobraznyi istoriko-kul'turnyi raion. In *Nauchnaya konferentsiya pamyati Nikolaya Mikhailovicha Yadrintseva (29-30 okt. 1992 g.)*, g. Omsk: tezisy dokladov. Omsk: Omsk State Univ. Press, 1992a. P. 62–65. (In Russ.).

Bobrov V.V. Kuznetsko-Salairskaya gornaya oblast' v epokhu bronzy: doct. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 1992b. 45 p. (In Russ.).

Bobrov V.V., Savel'ev N.A., Timoshchenko A.A. O kul'turnoi prinadlezhnosti neoliticheskikh kompleksov Kansko-Rybinskoi kotloviny i Krasnoyarskoi lesostepi. In *Esse quam videri: k 80-letiyu so dnya rozhdeniya Germana Ivanovicha Medvedeva*. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 2016. P. 328–338. (In Russ.).

Generalov A.G. Geoarkheologicheskii ob'ekt Strizhovaya gora (stratigrafiya, khronologiya, tipologiya, tekhnologiya). Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 2000. 153 p. (In Russ.).

Generalov A.G. Neoliticheskaya keramika mnogoslainogo poseleniya Kazachka. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii*, 1979. Iss. 157. P. 43–47. (In Russ.).

Generalov A.G. Pozdnii paleolit – rannii mezolit Kansko-Eniseiskogo raiona: doct. sc. (history) dissertation abstract. Irkutsk, 2001. 42 p. (In Russ.).

Kosarev M.F. Zapadnaya Sibir' v perekhodnoe vremya ot neolita k bronzovomu veku. In *Bronzovyi vek lesnoi polosy SSSR. Arkheologiya SSSR*. Moscow: Nauka, 1987. P. 252–67. (In Russ.).

Makarov N.P. Khronologiya i periodizatsiya epokhi neolita i bronzy Krasnoyarskoi lesostepi. In *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh tekhnologii*, 2005. Iss. 3. P. 149–171. (In Russ.).

Maksimov G.A. Novye dannye po arkheologii raiona Krasnoyarska. In *Voprosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk: SB AS USSR Publ., 1961. P. 305–315. (In Russ.).

Mandryka P.V. Krasnoyarskaya arkheologicheskaya kul'tura. In *Arkheologicheskie pamyatniki Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii: ot poyavleniya pervykh skotovodov do epokhi slozheniya gosudarstvennykh obrazovaniy*. St. Petersburg: IIMK RAS Publ., 2021. P. 85–87. (In Russ.).

Merhart G. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: A.Schroll & Company, 1926. 189 p. (In Deutsch).

Polyakov A.V. Khronologiya i kul'turogenез pamyatnikov epokhi paleometalla Minusinskikh kotlovin. St. Petersburg: IIMK RAS Publ., 2022. 364 p. (In Russ.).

Savel'ev N.A., Generalov A.G., Abdulov T.A. Mnogoslainoe arkheologicheskoe mestonakhozhdenie Kazachka kak osnova dlya periodizatsii golotsenovykh kul'tur Kansko-Rybinskoi kotloviny. In *Problemy issledovaniya kamennogo veka Evrazii*. Krasnoyarsk, 1984. P. 136–142. (In Russ.).

Timoshchenko A.A. Neolit i bronzovyi vek Kansko-Rybinskoi kotloviny: cand. sc. (history) dissertation abstract, Kemerovo, 2013. 22 p. (In Russ.).

Tishkin A.A. Sozdanie periodizatsionnykh i kul'turno-istoricheskikh skhem: istoricheskii opyt i sovremennaya kontseptsiya izucheniya drevnikh i srednevekovykh narodov Altaya. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2007. 356 p. (In Russ.).

Бобров В.В. <https://orcid.org/0000-0002-3272-0390>

Мооп Н.Н. <https://orcid.org/0000-0001-9957-9574>